

Пепел Фидлера

Глава из книги Александра Павловича Моисеева – «Немцы на Южном Урале»

«Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность». Эти слова Иммануила Канта мог бы повторить еще один уральский немец – *Владимир Федорович Фидлер* (1881–1932), чей прадед по матери был братом знаменитого философа. Он «сгорит на работе» – на самом пике своей карьеры, когда был максимально востребован советской индустриальной эпохой.

Как потомок Канта оказался в российском захолустье: в костромской Чухломе – ответить и сложно, и просто: так судьба сложилась. Из одного захолустья отец – медик, провизор – перебрался в другое: в Миасский завод. Фидлер изменил семейной профессии и поступил сначала в Екатеринбургское реальное училище, а затем в Томский технологический институт. Работать по технической части начал рано, подрабатывал на учебу помощником машиниста, поскольку денег в семье не хватало.

В 1905 году приехал в Златоуст – «на практику», как сказали бы сегодня. Впрочем, практикант получился особый: Фидлеру сразу поручили заведовать металлографической лабораторией, где он вел исследования снарядной и других специальных сталей. Владимир Федорович был инженером широкого профиля – сведущ в металлургии, металловедении, металлообработке и механике. Через пять лет он вернется в Златоуст уже дипломированным инженером.

Улица в Златоусте. Осень 1909 года. Фото С.М. Прокудина-Горского

Златоустовская служебная карьера Фидлера складывалась стремительно. В штате Златоустовской оружейной фабрики он с 1911 года: заведующий инструментальным цехом, шанцевым и кузнечно-котельным производствами; с октября 1917 года – главный инженер, директор завода.

Попасть в составе директорского корпуса в революционный водоворот и стихию гражданской войны – такое нужно было пережить. Свою «политическую позицию» он недвусмысленно обозначил в биографии: «Никогда ни в какой партии не состоял и не состою... Непосредственного участия в

переворотах не принимал, ибо считал своей обязанностью в критические минуты не покидать своего служебного поста в интересах дела».

Между тем, именно «дело» оказалось в зоне внимания и красных и белых – Златоуст производил снаряды и оружие. Фидлеру ничего не оставалось, как снабжать и тех и других – военные попросту изымали арсенал. Затем, под натиском Красной армии, колчаковцы приняли решение эвакуировать завод на Восток. Фидлеру с семьей пришлось собираться. Судьба развернет его уже в Томске: когда красные взяли город, то именно ему поручили возглавить реэвакуацию завода в Златоуст.

Исследователи справедливо удивляются: «Нечего и говорить: при тогдашних глобальной разрухе и развале транспортной сети страны задача была сложнейшая. Но он и здесь справился, причем с присущим ему блеском. Тому один пример. Мост через Томь был взорван. Владимир Федорович сделал расчеты и отдал крайне рискованный приказ: проложить рельсы по льду. И лед выдержал, эшелоны прошли!..»

Сотрудничество с колчаковцами, пусть и вынужденное, могло бы обернуться для него революционным трибуналом. Но с 15 октября 1919 года он даже повышен в должности, поставлен во главе всех заводов Златоустовского горного округа. Ему пришлось крайне тяжело: практически все основное заводское оборудование и многие работники были вывезены белыми в Сибирь. Возвращением, так называемой реэвакуацией, и занимался Фидлер как главный инженер «комиссии по возвращению Уральских заводов из Сибири». «В течение нескольких лет он, по сути, воссоздал все эти предприятия. Были проведены крупные реорганизации, переоборудования, переустройство производств, многие из них значительно расширились, а выпускаемые различные виды продукции по качеству стали отвечать мировому уровню».

Часть Златоуста. На первом плане – завод. Осень 1909 года. Фото СМ. Прокудина-Горского

Далее Владимир Федорович еще три года (1922–1925) работал главным инженером Златоустовских заводов. Затем стал помощником технического руководителя и заведующим проектным строительным отделом Южно-Уральского горнозаводского треста, заместителем начальника техотдела Уральского бюро ВСНХ в Екатеринбурге.

С этим бюро выйдет своя история. Как вспоминали о Фидлере, «худощавый, среднего роста, резкий и точный в суждениях, никому еще не известный в тихих коридорах Уралпроектбюро, он прямо-таки вихрем ворвался в размеренную жизнь этой недавно созданной конторы по проектированию уральских заводов. „Что за метеор явился на нашу голову?“ – удивлялись сотрудники. А он окидывал взглядом разрабатываемые проекты и ошарашивал безапелляционным: „Это все не то!“».

К слову, «не тем» показался ему и проект знаменитого впоследствии Уралмаша. Машиностроительный завод планировался достаточно скромным – индустриализация только набирала обороты, и многие недооценивали ее потенциал. Фидлер говорил на заседаниях бюро: «Завод – это живой организм, который рождается, развивается, мужает. Мы сейчас способствуем рождению завода и обязаны позаботиться о „кровати“ для него. Но нужно, чтобы это была территория, рассчитанная на взрослого, возмужавшего Самсона, а не детская коляска, которая скоро станет для него прокрустовым ложем». И следом, вопреки указаниям центра, закладывал в проекты многократное расширение заводской площадки и укрупнение цехов. Из этого нежелания возиться с «детской коляской» и родилась в итоге блестящая по тем временам индустриальная концепция – построить «завод заводов».

«Назвался груздем – полезай в кузов». В. Ф. Фидлер был назначен главным инженером проекта – стал, по сути, основателем Уральского завода тяжелого машиностроения. «Это мой первенец, и я отдам ему все, на что способен мой мозг», – говорил Владимир Федорович, и отдавался строительству завода без остатка. Его рабочий день был словно безразмерным, и отдыха он почти не знал.

Это не могло закончиться хорошо. Пуска завода Фидлер не дождался. В октябре 1932 года он приехал в Москву на совещание. «Железный нарком» Серго Орджоникидзе назначил его в тот день главным инженером почти уже построенного Уралмаша. А вечером Владимир Федорович скорострительно скончался в гостиничном номере, диагноз врачей – инфаркт. Кончина была столь неожиданной, что поползли слухи о его убийстве; к тому же недоброжелатели у него были: и завидовавшие его блестящим способностям, и классовые антагонисты – мол, «старорежимный спец».

Проводили В. Ф. Фидлера в последний путь как героя труда, замуровав урну с пеплом в памятник перед Уралмашем. «Именем Фидлера, как пишут историки завода, решили назвать центральную улицу уралмашевского соцгородка, семье покойного назначить персональную пенсию, закрепить за ней служебную квартиру и освободить от квартплаты. Предлагалось учредить две студенческие стипендии имени Фидлера, премию для лучших работников...»

Увы, ничего этого не произойдет, а имя Фидлера смешают с грязью. Через год после его смерти на заводе вспыхнул пожар – сгорел кузнечнопрессовый цех, любимое детище главного инженера. Естественно, стали искать виноватых. Далеко обвинители не ушли: «Установлено, что вредителем был Фидлер. Это факт. Большое количество вины лежит на Фидлере, но он умер. И очень жаль, что умер, а не то мы бы его расстреляли...»

Урну с его прахом из памятника вынули и выбросили, семью выселили из квартиры, младшую дочь отчислили из института. Лишь в 1993 году удалось реабилитировать его имя... А урну с пеплом обнаружили на старом заводском дровяном складе в конце 30-х и спустя еще много лет прах основателя Уралмаша наконец предали земле – без особых почестей, зато по-человечески...

Оригинал: <https://history.wikireading.ru/377040>